

УДК 82-34

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-90-107

Тюркский удалой Домрул и греческий Адмет: исследования В. Эберхарда

Татьяна А. Аникеева

*Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия, tatiana.anikeeva@gmail.com*

Аннотация. В статье содержится комментированная публикация фрагмента из неизданного труда китаиста Вольфрама Эберхарда (1909–1989) “Über die Erzählungen des Dede Korkut” («О сказаниях “Деде Коркут”»). «Книга моего деда Коркута» всегда представляла особый интерес для ученых, занимающихся сравнительным исследованием и типологией фольклора. Очевидно, что на формирование нескольких сказаний «Китаб-и дедем Коркут» оказали сильнейшее влияние как современные им образцы византийского, греческого фольклора, так и архаические сюжеты более древнего периода, что и стало отправной точкой научных изысканий в неопубликованном труде В. Эберхарда. Важной чертой труда Эберхарда, отличающей его от собственно тюркологических исследований «Книги Коркута» и турецкого фольклора в целом, является попытка провести сопоставления с греческими мифами, многими памятниками индийской и персидской литературной традиции, таким образом поместить огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы. Публикуемый отрывок посвящен сказанию об удалом Домруле в составе турецкого книжного эпоса «Книга моего деда Коркута», его происхождению и параллелям с античной мифологией и сюжетами «Океана сказаний» Сомадэвы и «Махабхараты».

Ключевые слова: книжный эпос, «Книга моего деда Коркута», В. Эберхард, тюрки, Закавказье, Византия, архивы, «Океан сказаний», античная мифология

Для цитирования: Аникеева Т.А. Тюркский удалой Домрул и греческий Адмет: исследования В. Эберхарда // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 90–107. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-90-107

The Turkic Deli [Possessed] Domrul and the Greek Admet. A study by W. Eberhard

Tatiana A. Anikeeva

*Institute of Oriental Studies RAS,
Moscow, Russia, tatiana.anikeeva@gmail.com*

Abstract. The article contains a commented publication of a fragment from the unpublished work of a Sinologist Wolfram Eberhard (1909–1989) “Über die Erzählungen des Dede Korkut” (“On the legends of” “Dede Korkut”). “The Book of Dede Korkut” always was the object of particular interest to scholars engaged in comparative research and typology of folklore. It is generally accepted that the formation of some of the legends, included in “Kitab-i Dedem Korkut”, was strongly influenced by both the Byzantine, Greek folklore, and archaic plots of the earlier period, what became the starting point of the research in W. Eberhard’s unpublished work.

An important feature of Eberhard’s work distinguishing it from the actual Turkological studies of “The Book of Korkut” and Turkish folklore in general, is an attempt to make comparisons with Greek myths, many monuments of the Indian and Persian literary tradition, thus placing the Oghuz epic in the broad context of the history of world literature.

The published excerpt dwells with the legend of the possessed Domrul as part of the Turkish book epic “The Book of Dede Korkut”, its origin and parallels with the ancient mythology and plots of the “Ocean of Legends” by Somadeva and “Mahabharata”.

Keywords: literary epic, “The Book of Dede Korkut”, W. Eberhard, the Turks, Transcaucasia, Byzantium, the archives, “The Ocean of Story”, classical mythology

For citation: Anikeeva, T.A. (2020), “The Turkic Deli [Possessed] Domrul and the Greek Admet. A study by W. Eberhard”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 4, pp. 90–107, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-90-107

Вольфрам Эберхард (Wolfram Eberhard, 1909–1989) – известный китаист, в сферу научных интересов которого наряду с историей Китая и Центральной Азии входили прежде всего изучение китайского фольклора, культурные взаимосвязи между Китаем и народами Центральной Азии, социальная антропология. По словам А. Коэна, Вольфрам Эберхард «был одним из тех редких ученых, изучающих западно-, центрально- и восточноазиатские общества и культуры, чьи способности и интересы были настолько широки, что вполне обоснованно его можно назвать “человеком

эпохи Ренессанса” в области востоковедения»¹. В то же время, если В. Эберхард прежде всего известен как китаевед, исследователь китайской мифологии и фольклора, а его наследие в этой области является хорошо изученным, то тюркологические изыскания Эберхарда пока остаются в тени.

Вольфрам Эберхард родился в 1909 г. в Потсдаме в семье астрофизиков и астрономов. Однако он не стал продолжать семейные традиции и поступил в 1927 г. в Институт синологии Берлинского университета, изучая также маньчжурский, японский и разговорный китайский языки (что, впрочем, не слишком приветствовалось некоторыми его преподавателями, разделявшими классический подход в обучении). В 1933 г. он защитил диссертацию². С 1929 г. В. Эберхард – сотрудник Берлинского антропологического музея. В Пекине, куда Эберхард с женой был направлен на стажировку, он собирает образцы фольклора, предпринимает путешествие по Северному Китаю.

В 1936 г. Вольфрам Эберхард вместе с семьей возвращается в Германию и занимает пост руководителя Азиатского отделения Музея Грасси в Лейпциге. Однако его пребывание на родине продлилось недолго: его вынуждали к сотрудничеству с нацистами, но Эберхарду удалось покинуть Германию в 1937 г. Сначала он направился в США, где прочел две лекции в Беркли, оттуда уехал в Японию и затем в Китай. Уже находясь в Гонконге, он получил предложение занять должность профессора в университете Анкары.

С 1937 по 1948 г. В. Эберхард не только преподавал в Анкарском университете историю Китая, но и читал курсы по китайскому фольклору, народной литературе³, национальным

¹ *Cohen Alvin P.* In Memoriam: Wolfram Eberhard, 1909–1989 // *Asian Folklore Studies*. 1990. № 49. P. 125.

² Тема диссертации В. Эберхарда «К вопросу об исследовании космологии Китая эпохи Хань» (*Beiträge zur Kosmologischen Spekulation der Chinesen der Han-Zeit*), по мнению его биографов, свидетельствует о том, что у него сохранялся интерес к астрономии [Brooks 2004]; впоследствии в работах, посвященных династии Хань и эпохе Троецарствия, он сотрудничал со своим дядей, астрономом Р. Мюллером.

³ Так, в 1942 г. вышел двухтомный труд Эберхарда «Местные культуры в древнем Китае» (*Eberhard W. Lokalkulturen im alten China*. T. 1. Die Lokalkulturen des Nordens und Westens. Leiden, 1942. T. 2. Die Lokalkulturen des Südens und Ostens. Peking, 1942), затрагивающий многие вопросы, связанные с китайской мифологией, и явившийся весьма значимым для ее истории изучения и синологии в целом («Эберхард пытался соотнести мифологических персонажей с отдельными местными

меньшинствам Китая, взаимоотношениям Китая и народов Центральной Азии и многие другие. Турция в этот период модернизировала образовательную систему и потому испытывала острую потребность в преподавателях из Европы. В. Эберхард преподавал и на турецком языке, а его «История Китая» была написана на турецком языке, издана в 1947 г. и переведена на английский, немецкий и французский языки (4-е издание ее вышло на английском языке в 1977 г.).

В 1948 г. В. Эберхард покинул Турцию, получив годичный грант в Университете Беркли (Калифорния), где впоследствии ему предложили постоянную позицию при отделении социологии. Эберхард читал множество курсов, посвященных культурам и обществам Центральной, Западной и Восточной Азии. В то же время он сохранял интерес к турецкому и в целом к тюркскому фольклору.

Вольфрам Эберхард стал соавтором «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки» (“Typen der Türkischer Volksmarschen”)⁴, который был им написан совместно с известным турецким фольклористом Пертевом Наили Боратавом и издан в Висбадене. Надо отметить, что В. Эберхард к этому моменту уже опубликовал «Указатель сюжетов китайских сказок» (“Typen chinesischer Volksmarschen”), он был издан в 1936 г. в Хельсинки в знаменитой академической серии “Folklore Fellows Communications Series”.

Кроме того, В. Эберхард уделял внимание существовавшим вплоть до XX в. некоторым жанрам турецкого фольклора: так, в 1950-е гг. он исследовал и зафиксировал сохранившуюся к тому времени на востоке Турции традицию исполнения народных повестей-*хикайатов*. По его сведениям, исполнение турецкой народной повести на юго-востоке Турции все еще могло конкурировать с печатной литературой и кинематографом⁵.

Помимо изучения волшебной сказки и народных повестей внимание В. Эберхарда привлекали и эпические жанры тюркского фольклора.

культами в противоположность тому, что делали до него все ученые, стремившиеся связать осколки китайских мифов в единую систему. Различные божества оказываются у немецкого сиолога отнесенными к различным культурам...» [Рифтин 2007, с. 33–34]), а также (в 1946 г.) его рецензия на книгу Б. Калгрена «Легенды и культы в Древнем Китае».

⁴ Eberhard W., Boratav P.N. Typen der Türkischer Volksmarschen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1953. 506 s.

⁵ Eberhard W. Minstrel Tales from Southeastern Turkey. Berkeley, CA: University of California Press, 1955. 92 p.

По сей день не опубликованная статья В. Эберхарда «О сказаниях “Деде Коркут”» (“Über die Erzählungen des Dede Korkut”)⁶, оригинал которой хранится в архиве Фольклорного общества Финской АН (FFC – Folklore Fellowship Communications), посвящена исследованию «Книги моего деда Коркута» – единственного памятника книжного эпоса у тюркских огузских народов. Эта довольно объемная статья (несколько авторских листов) В. Эберхарда по сути представляет собой развернутый комментарий к тексту эпоса и потому может рассматриваться как отдельное исследование по «Книге моего деда Коркута».

Статью в архиве Фольклорного общества Финской АН обнаружила фольклорист-кавказовед А.И. Алиева, ученый секретарь Института мировой литературы РАН, она же получила от руководства архива разрешение на ее публикацию в России. Разрешение на публикацию от наследников ученого, его сыновей и внука, было получено в ноябре 2011 г.⁷ Перевод с немецкого выполнен научным сотрудником ИМЛИ РАН, филологом-германистом Л.Г. Григорьевой, специалистом по русско-скандинавским литературным связям.

Собственно говоря, задачей работы Вольфрама Эберхарда, по его же представлениям, было «довольно надежно / достоверно решать вопрос о том, имеют ли мотивы песен Коркута параллели или же не имеют их, в чем состоит различие и тюркское своеобразие, а также проблему возникновения материала песен Коркута».

«Книга моего деда Коркута» неоднородна в хронологическом отношении (более подробно см.: [Аникеева 2017, с. 391]), к наиболее поздним сказаниям, составляющим этот памятник, относят пятое («Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-Коджи»⁸) и шестое («Песнь о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи») сказания,

⁶ Надо отметить, что эта статья – не единственное неопубликованное произведение В. Эберхарда. Известно, например, также и о некоем историческом романе, который хранится среди его трудов: “Amid the exigencies of travel, Eberhard found time to write a historical novel, Kaiser der Idee. It was never published, and obedient to Eberhard’s own wish, it remains unpublished among his manuscripts” [Brooks 2004].

⁷ “I have discussed this with my father and my uncle, and both agree that you may publish the Russian translation of Wolfram Eberhard’s paper, provided that you attribute the paper to him. Martin Eberhard”.

⁸ Здесь и далее названия сказаний «Книги моего деда Коркута» даны в соответствии с переводом В.В. Бартольда (см.: Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. В.В. Бартольда; изд. подгот. В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 299 с.).

сложившиеся уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье.

Сюжет пятого сказания «Китаб-и Коркут» об удалом Домруле, вероятно, восходит к новогреческим сказаниям и песням о Дигенисе Акрите: Домрул пытается убить ангела смерти Азраила, но впоследствии раскаивается в своем обмане. Это сказание по своему сюжету стоит особняком от остальных сказаний «Книги Коркута» и в целом от традиции тюркского эпоса. По мнению исследователей, в нем объединено два мотива, распространенных прежде всего в новогреческом фольклоре: борьба богатыря со смертью⁹, ангелом смерти и жена, отдающая свою жизнь как выкуп у смерти за мужа после того, как это отказываются сделать мать и отец главного героя. Поэма «Дигенис Акрит» – памятник византийского героического эпоса, дошедший до нас в нескольких вариантах (известно о шести его версиях), и «единственный в своем роде эпический памятник, созданный на греческом языке после Гомера»¹⁰; скорее всего в основе поэмы лежит обработка фольклорного материала. Сказания о Дигенисе Акрите были чрезвычайно широко распространены на территории Малой Азии и Южного Кавказа. Первоначальная версия, по-видимому, восходила к концу X – началу XI в.; ряд напластований в сохранившихся версиях указывает на различные эпохи от второй половины XI и до XIV в. Известно также и об армянском сказании о Кагуан Арслане и его невесте Маргрит, представляющем собой вариант песни о Дигенисе и его борьбе с Хароном [Жирмунский 1962, с. 199]. Образ Харона – демона смерти на вороном коне – перешел в византийский фольклор из древнегреческой мифологии и долгое время сохранялся в греческом фольклоре и верованиях Средних веков и даже Нового времени¹¹. Мотив борьбы эпического героя с Хароном представлен

⁹ В то же время известно и о сходном мотиве в башкирском фольклоре: он присутствует в эпосе «Урал-батыр» (см.: Башкирский народный эпос / Сост. А.С. Мирбадалева, М.М. Сагитов, А.И. Харисов. М.: Наука, 1977. С. 265–372) и в легенде (известной нам по литературному изложению И. Железнова) о богатыре, который, похваляясь перед друзьями, пытается обманом поймать и убить Смерть (ангела/духа смерти), однако Всевышний наказывает его за это (см. подробнее: Железнов И.И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков: Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд. / Под ред. Н.А. Бородина. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 220–226).

¹⁰ Дигенис Акрит / Пер., статьи и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 131.

¹¹ Там же. С. 213.

в восьмой книге поэмы «Дигенис Акрит», а также в ряде песен так называемого акритского цикла¹².

В своем исследовании Вольфрам Эберхард, которого прежде всего интересует происхождение сюжета каждого из сказаний «Книги Коркута», напрямую возводит образ Домрула к Адмету древнегреческих мифов, а также проводит параллели с индийской мифологией. Такие сопоставления являются отличительной чертой всей работы Вольфрама Эберхарда.

Раздел труда В. Эберхарда, посвященный «Песне об удалом Домруле, сыне Дука-коджи», публикуется нами с незначительными сокращениями. Наши постраничные примечания отмечены инициалами «Т.А.», другие, если они не отмечены специально, принадлежат самому В. Эберхарду. Библиографические отсылки и описания были полностью восстановлены нами. Сам перевод текста также подвергся определенному редактированию.

У. Дели Домрул (Адмет)

§ 1. Песнь состоит из двух различных частей, но только вторая известна и в современных устных преданиях¹³, она же является основной и, предположительно, более древней.

Сюжет части второй, согласно устному варианту, таков: герой [по имени] Домрул (Догрул) должен умереть. Аллах посылает ангела смерти Азраила, чтобы забрать его душу. Домрул молит

¹² Произведения греческого фольклора, воспевающие ратные подвиги акритов – особого сословия воинов, возникшего в Византии приблизительно в IX–X вв. для обороны восточных границ империи.

¹³ Dedem Korkudun Kitabı / Ed. by O.Ş. Gökyay. İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000. P. LXXIII. В. Эберхард ссылается на издание «Книги моего деда Коркута» под редакцией О.Ш. Гёкъяя, вышедшее в 1938 г. Впоследствии оно многократно воспроизводилось в виде репринта (с полностью сохраненной и соответствующей первому изданию нумерацией страниц), поэтому в данной работе мы используем издание 2000 г. О.Ш. Гёкъяй со ссылкой на П.Н. Боратава сообщает, в частности, о преданиях о святом Хаджи Тугруле (Догруле-Домруле), бытовавших в среде бекташей (см.: Dedem Korkudun Kitabı / Ed. by O.Ş. Gökyay. İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000. p. LXXII–LXXIII). Известно, что сказания, относящиеся к циклу «Книги моего деда Коркута», долгое время, вплоть до первой половины XX в., бытовали в устном виде в Турции и Закавказье, зачастую в рамках иного, гораздо более позднего, жанра турецкой традиционной словесности – жанра народной повести (среди них, например, и сказание о Бамси Бейреке, подробнее см.: [Аникеева 2019]).

пощадить его, просит отца и мать¹⁴ отдать свои души вместо него. Но они не соглашаются, говоря, что легко могут занять нового сына, и, таким образом, жизнь Домрула – не столь важна [для них]. Затем Домрул просит свою жену, и она готова принести эту жертву, ибо жизнь все равно преходяща. Когда Азраил хочет взять ее душу, то Домрул встает рядом с огромной палицей, угрожая Азраилу, чтобы он скорее принял его жертву. Ее душа превращается в голубя, а Азраил становится соколом. Он появляется перед богом и рассказывает ему о случившемся. Всевышний дарует жизнь Домрулу и его жене и забирает жизни его старых родителей.

В этом сказании «Книги Коркута», однако, родители никак не обосновывают свой отказ. Домрул хочет расстаться со своей женой и дать ей свободу избрать другого мужа, но она сама предлагает свою жизнь [взамен]. Домрул просит бога взять их жизни одновременно, но бог дает им еще сто лет жизни и забирает души его старых родителей.

Такая сказка до сих пор нигде в мире неизвестна.

§ 2. Немного позже, чем сказания «Книги моего деда Коркута», в Анатолии, Иране и позднее также и в Индии появляется сказка [фиксируется?], которая [по своему сюжету] могла бы быть сопоставлена [со сказанием о Домруле]. В «Анвар-и Сухейли»¹⁵ (VIII, 3), распространенном персидском переводе арабской «Калилы и Димны», в индийской «Панчатантре», приблизительно в 1470–1500 гг. н. э. присутствует сказка, которая позднее появляется в турецкой «Хумаюн-наме» (1512–1520 н. э.)¹⁶, а также в 1803 г. [фиксируется] в индийском пересказе¹⁷. Она еще не содержится

¹⁴ Слова матери «сын, которого я носила 10 месяцев...» и т. д. сходны с эпосом «Джолой» (см.: Radloff W. Proben der Volklitteratur der nördlichen Türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. T.V. Der Dialect der Kara-Kirgisen. St.-Petersburg, 1885. vers. 3056). Джолой – имя эпического противника Манаса в киргизском фольклоре, которое, однако, по словам Е.М. Мелетинского, не встречается за пределами эпопеи о Манасе.

¹⁵ «Анвар-и Сухейли» («Сияние Сухейли») – дидактическая поэма Хусейна Ваиза Кашифи (ум. 1504/05), представляющая собой переработку цикла «Калила и Димна» на персидском языке с некоторыми дополнениями. Посвящена везиру султана Хусейна Байкары – Ахмаду Сухейли и названа в его честь.

¹⁶ Hertel J. Das Pañcatantra: seine Geschichte und seine Verbreitung. Berlin – Leipzig: B.G. Teubner, 1914. P. 408, 410.

¹⁷ Hertel J. Indische Märchen. Jena: Eugen Diederich Verlag, 1925. p. 111; Leyen F. Indische Märchen. Halle: Verlag von Otto Hendel, 1898. P. 125f.

в «Калиле и Димне», но мне неизвестно, имеется ли она уже в обработке Насруллы¹⁸.

Мать жалуется у постели своей больной дочери и просит бога взять ее душу вместо души любимой дочери. Однажды приходит в кухню корова, ест из горшка, который остается висеть на ее рогах. Мать видит это, пугается и кричит: «Дорогой ангел смерти, я – старая мать, больная лежит там, в комнате, не забирай [мою] душу, возьми ее!» Мораль: в нужде человек думает только о себе.

Этот назидательный рассказ не может являться источником сюжета «Песни об удалом Домруле», однако можно предположить, что он все-таки родственен этому сказанию «Книги моего деда Коркута» и что они восходят к общему источнику¹⁹.

§ 3. Нечто подобное обнаруживается и в греческом мифе об Алкесте²⁰ [Ruben 1941, s. 28]. Царь Адмет должен умереть, и он просит родителей отдать свои души вместо него, но они не соглашаются. Его жена Алкеста готова принести эту жертву, смерть забирает ее душу. Случайно приходит к Адмету Геракл, который борется со смертью и отвоевывает душу благородной женщины.

На основе этого сюжета Еврипид создал захватывающую трагедию. Одной из главных сцен ее является та, где Адмет на погребении Алкесты упрекает своего отца: тот из эгоизма не отдал свою старую жизнь за молодого сына, и теперь у него нет другого выхода, только родить другого сына, потому что он потерял сына в лице Адмета. Адмет торжественно отрекается от своего жестокосердного отца. Отец возражает: «Не был ли сам так же своекорыстен, как и я, когда ты принял жертву своей благородной жены? Возьми же много жен, чтобы и ты мог пожертвовать много жизней за свою!»²¹

¹⁸ У Хертеля об этом ничего не сказано. Относительно «Анвар-и Сухейли» см. также: *Benfey Th. Pantschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Aus dem Sanskrit übers. mit Einleitung und Anmerkungen von T. Benfey. Bd. 1. Leipzig: Brockhaus, 1859. P. 574.* Вероятно, сказка передавалась изустно. В немецком тексте – Nasrallah. По-видимому, речь идет о персидском прозаическом переводе «Калилы и Димны», сделанном Абу-л-Маали Насруллой Мунши с арабского в 1144 г.

¹⁹ Ср. также: *Somadeva Kathâsaritsâgara of Somadevabhata / Eds. Pandit Durgaprasad, Kashinath Pandurang Parab. 3rd ed. Bombay: Nirnaya-Sagar Press, 1915. P. 90, 132.*

²⁰ *Benfey Th. Op. cit. Bd. 2. Leipzig: Brockhaus, 1859.*

²¹ См. в пер. И. Анненского:

«Тебя ль учить мне, впрочем? За него
В борьбе с судьбой Адмет, ожесточившись,
Не пощадил жены... Но как же он

§ 4. Эта классическая драма жила вплоть до византийских времен. Из нее или из других поздних греческих текстов этот мотив о родителях, не пожелавших отдать свою душу, и совершающей жертвенный поступок жене мог распространиться вплоть до Восточной Анатолии. При этом отмечаются основополагающие изменения в аргументации. Отец Адмета не захотел отдать свою жизнь, потому что он слишком стар для того, чтобы родить другого сына. Отец же Домрула не хочет отдавать свою жизнь, потому что он легко может обзавестись новыми сыновьями (устный вариант²²). Доводы Адмета обретают смысл в продолжении: своекорыстный отец потерял также и Адмета как сына. Согласно тюркскому восприятию, подобное отречение сына от отца не является выражением непочтения. В первом сказании «Книги моего деда Коркута» сын помогает отцу, хотя тот хотел убить его²³! Отец Домрула выбирает новое обоснование своего отказа, которое вновь напоминает греческий образец.

Клянет мою, своей не видя, трусость,
Во цвете лет женою побежден.
Придумано отлично... хоть и вовсе
Не умирай, сменяя верных жен...
И у тебя других хватает духа
За то, в чем сам виновен, упрекать.
Молчи, дитя: жизнелюбивы все мы...
На брань твою – вот строгий мой ответ».

(Еврипид «Алькеста», см.: *Еврипид* Трагедии: В 2 т. / Пер. И. Анненского; изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. Т. 1. М.: Наука, Ладомир, 1999. 643 с.).

²² В «Книге Коркута» (т. е. в варианте книжного эпоса, который В. Эберхард противопоставляет устным версиям) отец Домрула отказывает сыну следующим образом: «Отец его говорит: “Сын мой, сын! часть моей души, сын! сын мой, лев, при чьем рождении я убил девять самцов-верблюдов! сын, опора моего златоверхого жилища! сын, цветок моей дочери-невесты, подобной гусю! Если нужна лежащая против (нас) моя черная гора, скажи; бери ее, пусть она будет Азраилу летовкой; если нужны мои холодные, холодные колодцы, пусть они будут ему питьем; если нужны табуны моих быстрых коней, пусть они будут ему для езды; если нужны ряды моих верблюдов, пусть они будут ему для выюков; если нужны стада моих белых баранов, пусть они в черной кухне будут ему пищей; если нужно мое золото и серебро, мои деньги, пусть они будут ему на расходы. *Сладка жизнь, дорога душа; душу не могу оставить, так и знай...*”» (Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. С. 61; курсив мой. – Т. А.).

²³ Речь идет о сюжете первого сказания «Книги моего деда Коркута» – «Песни о Богач-Джане, сыне Дерсе-хана».

Геродот рассказывает (III, 119)²⁴ о том, как одну женщину спросили, кого она хотела бы спасти от смертного приговора – сына, брата или супруга. Она выбирает брата, потому что легко может получить [нового] мужа или сына. Такая аргументация вошла в драму Софокла «Антигона» (309–312), вероятно, так же, как и мотив Алькесты, достигла Анатолии. Но такая же аргументация засвидетельствована также и в древней Индии, хотя и немного более поздняя, чем у Геродота и Софокла, а именно, приблизительно во II в. до н. э. (джатака 67²⁵). Но так как Геродот сообщает, что эта история произошла в Персии, она могла возникнуть также и там и проникнуть как в Грецию, так и в Индию и попасть прямо из персидской традиции в песнь о Домруле. Когда Домрул, стоя рядом с Азраилом, угрожает ему палицей, то это, вероятно, – позднейшее воспоминание о Геракле с его палицей.

§ 5. В дальнейшем поведение Домрула в варианте «Книги Коркута» значительно меняется: он не просто принимает жертву своей жены, а молится за нее и поэтому к нему нельзя отнести укор, который сделал отец Адмету, что в значительной мере улучшает ее мораль²⁶. Этот момент отношений мужчины и женщины очень важен. В древней Индии имелся аналогичный пример. Благочестивый аскет Руру был готов пожертвовать половину своей жизни за свою невесту, которую укусила змея, и этим спас невесту от смерти («Махабхарата», I, 9). Тот же мотив мы встречаем в другой истории, в которой женщина позднее оказывается весьма неблагодарной: эта история проделала путь из Индии до современных немецких сказок²⁷. И третья, вплоть до настоящего времени популярная история из «Махабхараты» (III, 283ff.) повествует о том, как царский сын должен был умереть и, несмотря на это, благородная принцесса становится его супругой. В тот день, когда он должен умереть, а это известно лишь ей одной, она

²⁴ *Jungbauer von G. Märchen aus Turkestan und Tibet*. Jena: Eugen Diederich Verlag, 1923. P. 183: детьми легко обзавестись снова.

²⁵ По всей видимости, речь идет о палийской джатаке № 67, см., например: *The Jātaka, or Stories of the Buddha's Former Births* / Trans. from the Pāli by Various Hands under the Editorship of professor E.B. Cowell. Vol. 1. Trans. by R. Chalmers. Oxford: Oriel College, 1895. P. 165–166. Там же примечание: “Cf. for the idea of the verse Herodotus 118–120, Sophocles Antigone 909–912”.

²⁶ Адмет говорит, что он бы бросился в могилу своей жены, но народ ему помешал (Vers 897 f.).

²⁷ *Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm* / Neu Bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polivka. Bd. I. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1913. S. 129.

идет с ним в лес. Усталый, он засыпает у нее на коленях. Приходит бог смерти и забирает душу спящего, величиной с большой палец руки. Но верная супруга следует за смертью, произнося мудрые речи о том, что единственным долгом жены является повсюду следовать за мужем. Тронутая такой верностью и мудростью смерть разрешает женщине высказать три просьбы, и та желает, чтобы ее муж ожил и т. д. Здесь прямо не говорится, что женщина своей жизнью спасла жизнь мужа, но это очень похоже на сюжет о Домруле-Адмете, когда жена героя хочет следовать за взятой богом душой²⁸.

Можно сравнить также весьма далекую от этого древнегреческую историю о том, как Орфей захотел увести из подземного мира душу своей Эвридики.

Существовал индийский обычай, согласно которому вдова должна следовать за своим умершим супругом: ее сжигали вместе с ним на костре. Итак, жизнь женщины в древней Индии стоила немного. Исходя из этой точки зрения, которая считалась господствующей и в исторической Индии, остается непонятным, почему аскет Рупу уступает своей невесте половину жизни. Так же и в случае с Адметом, с его женой не особенно считались, на что указывает его отец. Но тюркский герой спасает свою жену, и это примечательно.

§ 6. В этой связи следует упомянуть еще один сюжет, который мог быть известен автору «Книги моего деда Коркута»²⁹. В тюркском переводе «Тути-наме», который, в свою очередь, является

²⁸ Ср. также «Катхасаритсагара» (XIV, 6): принцесса жертвует половиной своей жизни за бедного юношу-рыбака (см.: *Oesterley H. Baital Pachisi oder di fünfundzwanzig Erzählungen eines Dämon* (In deutscher Bearbeitung). Leipzig: Verlag von Friedrich Fleischer, 1873; *The Jātaka. Together with its commentary, being tales of the anterior births of Gotama Buddha / For the first time edited in the original Pāli by V. Fausbøll. Vols. 1–7. London: Trübner & Co., 1877–1897; Jatakam / Übers. Dr. Julius Dutoit. Bd. 1–7. Leipzig: Lotus Verlag, 1908–1921*). См. также русский перевод истории о рыбаке Супрахаре и принцессе Маявати: *Сомадева. Дальнейшиехождения царевича Нараваханадатты / Пер. с санскр. И.Д. Серебрякова, Р.А. Тазетдиновой, С.Л. Невелевой, послесл. и примеч. И.Д. Серебрякова; отв. ред. В.Г. Эрман. М.: ГРВЛ, 1976. 446 с.*

²⁹ В. Эберхард полагает, что авторство сказаний «Книги Коркута» принадлежит некоему эпическому певцу, самому Коркуту, о чем и пишет во вступительной части своей работы: «Двенадцать песен Коркута отмечены удивительным единством, именно поэтому можно с уверенностью утверждать, что они принадлежат одному автору – Деде Коркуту или, по крайней мере, собраны и упорядочены им».

переводом индийской «Книги попугая»³⁰, есть сказка о верном солдате, приносящем в жертву великой богине своего сына, чтобы этой жертвой обеспечить долгую жизнь своему царю³¹. Эта сказка существовала в Индии ок. 1000 г. н. э. и впоследствии была перенесена в Европу как в форме литературного перевода, так и в устной традиции. Ее можно обнаружить также среди сказок братьев Гримм под номером 6 – «Верный Иоганнес». Конечно, мы не можем подтвердить существование этой сказки в древние времена в Индии. Вероятно, существовал следующий мотив: отец должен пожертвовать одним своим ребенком вместо другого (Айтарея-Брахмана VIII, 13–18). Предполагают, что он отражает действительно существовавший обычай человеческих жертвоприношений в древнейшей Индии. Можно привести для сравнения и другой древнеиндийский мотив, когда отец просит по очереди всех четырех сыновей пожертвовать частью своей жизни, чтобы облегчить бремя его возраста, на что соглашается только самый молодой из них [Ruben 1941, s. 26].

§ 7. Итак, в Индии бытовал целый ряд знаменитых старых преданий о самопожертвованиях, а в религиях Будды и Шивы ужасные самопожертвования мучеников в религиозных целях играют большую роль. Предпринимались попытки свести предание об Алкесте к весьма древнему мифу о Прозерпине, причем Алкеста выступала как переосмысленная в человека древняя богиня посевов, уведенная богом нижнего мира (осень) под землю и отпускаемая весной³². Эта религиозно-историческая реконструкция

³⁰ «Тутти-наме» («Книга попугая») – сборник различных по сюжету и типу рассказов, образец персоязычной литературы средневековой Индии. Был составлен Зийа ад-Дином Нахшаби в первой половине XIV в. По всей видимости, рассказы сборника были заимствованы из антологий и оригинальных сочинений, принадлежащих к индийской литературной традиции, хотя Нахшаби основывался, в свою очередь, также на обработанном им персидском переводе (см.: [Акимускин 1984, с. 5]).

³¹ *Benfey Th. Op. cit. Bd. 1. P. 414ff; Penzer N. Benfey Th. Op. cit. Bd. 1. P. 414ff; Penzer N.M. The Ocean of Story. London: Chas. J. Sawyer, Ltd., 1928. P. 272f (джатака 181); «Веталапанчавимшати» 4. Цит. по: *Somadeva Kathāsaritsāgara of Somadevabhāta. Eds. Pandit Durgaprasad, Kashinath Pandurang Parab. 3rd ed. Bombay: Nīrnaya-Sagar Press, 1915. P. 75–99* (четвертый рассказ сборника «Двадцать пять рассказов Веталы» о жертве Виравары, см., например: Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскр., вступ. ст. и примеч. И. Серебрякова. М.: Гослитиздат, 1958. С. 48–52); см. также [Ranke 1936, s. 290].*

³² *Wilamowitz-Moellendorf U. Griechische Tragödien. Bd. III. Berlin: Weidmann Verlag, 1910. S. 68ff.*

ненадежна. Можно было попытаться найти индийские параллели к следующему мифу: великий бог плодородия Шива не пользовался уважением своего свекра, и его молодая жена из чувства протеста и от стыда за своего отца сожгла себя на жертвенном костре, затем вновь возродилась и снова стала женой Шивы. Итак, она пожертвовала собой – не за жизнь Шивы, но за свое дело. Индийцы говорят, что эта богиня является прообразом индийской вдовы, сжигающей себя вместе с супругом, но ведь богиня совсем не вдова! Если соединить этот довольно неясный индийский миф с греческим, то можно реконструировать древнейшую (не индоевропейскую!) форму, которая была бы сходна с жертвой Алкесты, – но это все же слишком смело. Пока же можно сказать: в основе возвращения Алкесты, может лежать древний миф, но отказ родителей и т. д. не является древним мифом, скорее новеллистическим мотивом, как и приведенный в § 4 мотив из Геродота.

На самом южном краю античного мира, в Абиссинии, бытует и по сей день следующая сказка: смерть имела обыкновение сообщать о своем приходе человеку за восемь дней и однажды поступила так же с одним женихом. Когда же она через восемь дней захотела забрать этого человека, то его родители были готовы отпустить его, но не молодая жена. Смерть пошла к богу и спросила его, что ей делать, и бог приказал ей никогда больше не предупреждать людей³³. <...>

§ 9³⁴. Геродот (VII, 114) сообщает, что мать Ксеркса, состарившись, приказала зарыть живыми дважды семь благородных юношей, чтобы выразить благодарность богу нижнего мира за то, что она дожила до столь преклонного возраста. Эта жестокая практика древних времен существовала в Персии, на земле которой выросли самые прекрасные предания о самопожертвовании. Оттуда происходит и часто повторяемое присловье в «Книге моего деда Коркута»: «Да будет моя голова твоей жертвой»³⁵.

³³ Jensen A. Im Lande des Gada. Stuttgart: Verlag Strecker und Schröder, 1936. S. 496.

³⁴ Нумерация параграфов нарушена в результате сокращения нами одного из фрагментов публикуемого текста.

³⁵ См.: «...Казан говорит: "О вода, с шумом текущая со скал! ...Через тебя переходят красные верблюды, вода! Вокруг тебя ложатся белые бараны, вода! Знаешь ли ты весть о моей орде? Скажи мне: да будет моя черная голова жертвой, вода моя, ради тебя!" ... так он сказал; как могла вода дать весть?..» (Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. С. 25; курсив мой. – Т. А.). См.: Kazan aydur: Çağnam çağnam kayalardan çıkan su, ... Şahbaz atlar içdüğü su, Ağ koyunlar gelüp çevresinde yatduğu su, Ordumuñ haberin bilürmüsün değil maña, Kara başum kurban olsun suyum saña... dedi.

§ 10. Душа женщины вылетает голубкой – является ли это древним представлением о душе-птице? Азраил летает черным соколом. Этому устному изложению соответствует в письменной редакции совершенно иной мотив I части: Азраил превращается в голубя и летит перед разгневанным Домрулом; после этого Домрул отправляется на соколиную охоту и убивает двух голубей. Но Азраил появляется перед конем Домрула, пугает его, Домрул падает и едва не погибает³⁶. Каким же было первоначальное изложение этой истории? В варианте «Книги моего деда Коркута» поражает бегство ангела смерти: почему ужасный Азраил превращается в нежного голубя? Здесь можно думать о распространенном в Центральной Азии³⁷ и предположительно исходящем оттуда мотиве превращения борющихся в животных: так, в киргизском эпосе «Джолой» отмечается подобное превращение в голубя и сокола³⁸, в татарском [фольклоре] также многократно упомянуты птичьи наряды у женщин, что позволяет им улетать, когда они находятся в опасности. Я мог бы предположить, что из-за этого родства с центральноазиатским [мотивом] также и мотив превращения женщины в голубя в устном варианте является более древним, в то время как превращение Азраила в голубя – вторично. <...>

§ 11. В устных вариантах³⁹ Домрул стоит рядом с Азраилом и угрожает ему. Вероятно, это является зародышем всего вступления изложения в «Книге Коркута»: удалой Домрул построил мост через сухой ручей и вынуждал странников пользоваться им и платить дань: это требование ко всем чужакам! Однажды там лежал мертвый богатырь. Домрул узнает, что его душу забрал Азраил, хвастается: он хочет защитить неизвестного героя от якобы незнакомого ему похитителя душ Азраила. Эта похвальба разгневала Аллаха, и он приказывает Азраилу взять душу Домрула. Но Домрул нападает на Азраила с мечом, тот улетает от него голубем и т. д. Упавший с коня Домрул в своем несчастье умоляет бога [о милости], и Всевышний, тронутый его мольбой, разрешает ему искать «заместителя».

³⁶ Здесь звучит мотив власти смерти, см.: *Benfey Th. Op. cit. Bd. 2. P. 146.*

³⁷ В немецком тексте “Innerasien”. В данном случае мы считаем возможным передавать это выражение как «Центральная Азия».

³⁸ *Radloff W. Proben der Folksliteratur der türkischen Stämme Südsibiriens. Theil IV. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tümenischen Tataren. St.-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. P. 33.*

³⁹ См. выше примеч. 8 настоящей статьи.

Борьба смертного с ангелом или богом – древнейший мотив⁴⁰: полинезийский герой Мауи победил в борьбе с солнцем, так же как и герой южноамериканской сказки; Геракл принуждает солнце (подобно Митре)⁴¹, он так же посылает стрелу в Геру, герой балканской сказки заковывает мать ночи, в Шумере Гильгамеш борется против Иштар, в Индии – Кришна против Индры и Шивы, в Библии Иаков борется с ангелом и т. д. [Ruben 1941, s. 105, 197, 225]. Эти противостояния не считаются греховными, и именно поэтому бог наказывает Домрула лишь за хвастовство⁴². А когда позднее он видит благочестие Домрула, то он – милостив, справедлив и готов помочь. Эта последняя черта является мусульманской, не греческой, индийской или древнетюркской.

§ 12. Вступление показывает, почему эта история была взята в собрание песен Деде Коркута: Домрул борется за незнакомого ему героя даже с ангелом смерти. При этом он являет высокую степень «рыцарства», которая встречается также и в других сказаниях «Книги Коркута». Так, например, в этой песне есть два благородных характера: Домрул и его жена. Переосмысление Адмета в Домрула предположительно принадлежит самому Деде Коркуту⁴³.

Заключение

«Книга моего деда Коркута», как единственный памятник книжного эпоса у тюркских огузских народов, всегда представляла особый интерес для ученых, занимающихся сравнительным исследованием и типологией фольклора. Очевидно, что на формирование нескольких сказаний «Китаб-и дедем Коркут» оказали сильнейшее влияние как современные им образцы византийского, греческого фольклора, так и архаические сюжеты более древнего периода. Это и стало отправной точкой научных изысканий в неопубликованном труде В. Эберхарда.

⁴⁰ В башкирском эпосе «Урал-батыр» герой стреляет в Солнце и раскалывает его пополам [Неклюдов 2019, с. 90–91]. См. также примеч. 8 настоящей статьи.

⁴¹ Вероятно, речь идет об одиннадцатом подвиге Геракла – похищении яблок Гесперид, в котором, по некоторым версиям, особую роль играет Гелиос.

⁴² Schiefner A. Heldensagen der Minussinschen Tataren. Rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1859. P. VIII: бог гневается на хвастуна и карает его слабыми сыновьями. Герои древних тюрков часто обращаются к богу (Ibid. P. 354).

⁴³ См. выше примеч. 27.

Литература

- Акимушкин 1984 – Акимушкин О.Ф. «Тути-наме» и предшественник Нахшаби: к вопросу об индо-иранских культурных связях // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник 1976–1977. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. С. 4–21.
- Аникеева 2017 – Аникеева Т.А. «Китаб-и дедем Коркут» как памятник книжного эпоса // Памятники книжного эпоса Запада и Востока / Сост., ред. С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров. М.: Инфра М, 2017. С. 384–400.
- Аникеева 2019 – Аникеева Т.А. Сказание о Бейреке в турецком фольклоре // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 122–129.
- Жирмунский 1962 – Жирмунский В.М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. В.В. Бартольда; изд. подгот. В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 131–258.
- Неклюдов 2019 – Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии: Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Рифтин 2007 – Рифтин Б.Л. Изучение древнекитайской мифологии // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Под ред. М.Л. Титаренко. Т. 2: Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 25–57.
- Brooks 2004 – Brooks E.B. Wolfram Eberhard. Sinological profiles. 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.umass.edu/wsp/current/sinology/profiles/eberhard.html> (дата обращения 3 дек. 2020).
- Ranke 1936 – Ranke F. Märchenforschung; ein Literaturbericht // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1936. № 14. S. 246–304.
- Ruben 1941 – Ruben W. Krishna. Konkordanz und Kommentar der Motive seines Heldenlebens. Ankara; Wien: Adolf Holzhausens Verlag, 1941. 334 s.

References

- Akimushkin, O.F. (1984), “‘Tuti-name’ and the predecessor of Nakhshabi. On the issue of Indo-Iranian cultural ties”, *Pismennye pamiatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniia. Ezhegodnik 1976–1977* [Written artefacts of the East. Historical and philological researches. Yearbook 1976–1977], Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva “Nauka”, Moscow, Russia, pp. 4–21.
- Anikeeva, T.A. (2017), “‘Kitab-i dedem Korkut’ as a literary epic masterpiece”, in Nekliudov, S.Yu. and Petrov, N.V. (eds.), *Pamiatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka* [Literary epic masterpieces of the West and the East], Infra M, Moscow, Russia, pp. 384–400.

- Anikeeva, T.A. (2019), "The story of Beyrek in Turkish folklore", *Vostok – Oriens*, no. 3, pp. 122–129.
- Brooks, E.B. (2004), "Wolfram Eberhard. Sinological profiles", available at: <https://www.umass.edu/wsp/current/sinology/profiles/eberhard.html> (Accessed 3 Dec. 2020).
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyĭ landshaft Mongolii. T. 1. Mif i obriad* [The folklore landscape of Mongolia. Vol. 1. Myth and ritual], Indrik, Moscow, Russia.
- Ranke, F. (1936), "Märchenforschung; ein Literaturbericht", *Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, vol. 14, SS. 246–304.
- Riftin, B.L. (2007), "The study of ancient Chinese mythology", in Titarenko, M.L. (ed.), *Dukhovnaia kul'tura Kitaia. Entsiklopediia. Vol. 2. Mifologiya. Religii* [The Spiritual culture of China. Encyclopedia. Vol. 2. Mythology. Religion.], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 25–57.
- Ruben, W. (1941), *Krishna. Konkordanz und Kommentar der Motive seines Heldenlebens*, Adolf Holzhausens Verlag, Ankara, Wien, Turkey, Austria.
- Zhirmunskii, V.M. (1962), "The Oghuz heroic epic and 'The Book of Dede Korkut'", in Zhirmunskii, V.M. and Kononov, A.N. (eds.), *Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos* [The Book of Dede Korkut. The Oghuz heroic epic], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 131–258.

Информация об авторе

Татьяна А. Аникеева, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; tatiana.anikeeva@gmail.com

Information about the author

Tatiana A. Anikeeva, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; tatiana.anikeeva@gmail.com